

Женщина задумчиво сидела в сквере на скамеечке. На коленях мирно покоился рыженький кот. Обняв своими мягкими лапками руку хозяйки, котик лизал каждый её пальчик, как бы целуя. Она отвечала на ласку, а кот наслаждался, закрыв глаза, потягиваясь своим крепким тельцем.

Кажется, я нарушила эту идиллию, подсев к ним. В руках у меня было мороженое.

– Интересно, Ваш котик любит мороженое? – спросила я.

– Он у меня всеядный, – ответила женщина, улыбнувшись.

Я дала на салфетке кусочек лакомства, и котик стал его лизать.

– Вот сладёна! – улыбнулась хозяйка, – он ест всё, что едят люди.

Мы познакомились и разговорились совершенно неожиданно для нас обоих.

Её звали Александра Семёновна, кота – Рыжик.

Александра Семёновна была небольшого роста. Волосы на голове были собраны в пучок. Никакого макияжа на лице. Говорила она очень тихо, будто боялась разбудить кого.

– Я с детства боюсь потеряться, – сказала она неожиданно.

– Не поняла! Сейчас Вы – взрослая женщина, чего боитесь? – сказала я.

– Всё идёт из детства. Я хорошо помню только маму. Папа ушёл на фронт и, как я узнала позже, погиб. Как сон кошмарный, это всегда со мной: мы бежим к лесу. Мама держит на руках двухгодовалого братика, за руку держит сестрёнку, а я постарше, я еле успеваю за ними. Нас бомбят с воздуха. Все люди бегут к лесу. Там – спасение.

– Шурочка, не отставай, потеряешься! – слышу я взволнованный голос мамы.

– Мамочка, не бросай меня! – умоляю я, – мамочка, подожди, я же люблю тебя!

И я бегу, но постепенно начинаю отставать. Раздаётся оглушительный взрыв, и я падаю на землю. Но вот до меня доносится мамин голос:

– Доченька, я жду тебя, догоняй!

Я встаю и бегу. Падаю, поднимаюсь и опять бегу.

– Боженька, дай мне силы. Боженька, сделай так, чтобы мама меня не бросила...

Я молилась, глядя в небо, и бежала на голос мамы. Вдруг бежать стало легко: наступило второе дыхание. Вот он – спасительный лес! Мама обняла меня. И ей стало плохо. Помню, какие-то военные несли маму на носилках, а нас, детей, несли на руках. Больше я маму не видела, но её образ и это «Шурочка, не теряйся! Шурочка, я жду тебя» – живёт во мне. Я помню каждую чёрточку лица моей мамы, помню её ласковый голос, её последнее объятие.

Нас поселили в разные детские дома, и мы потерялись. Шла война. Было голодно. Помню, идём мы гуськом к пекарне за хлебом. Каждый ребёнок получал свою булочку хлеба и нёс её в детский дом на кухню. Хлеб нужно было сдать в целости. Многие, особенно мальчишки, не выдерживали и откусывали кусочек, за что их ругали. Я была примерной, я только лизала булочку, вдыхая аромат свежего хлеба. Этот аромат я запомнила на всю жизнь. Несла я свою булочку, крепко прижав к груди. Хлеб для меня – это священно. Был случай, когда мальчик Коля съел почти всю булку, и его отправили в больницу. Сказали, что ему стало плохо, потому что съел много хлеба. Много хлеба не бывает! Один бы раз поесть досыта! – мечтала я.

Александра Семёновна надолго задумалась. Её печальные глаза видели то, чего не видела я, не знающая ужасов войны.

А я думала о современных молодых людях, живущих одним днём. Их много. К счастью, есть и другие, и это как-то успокаивает. Я видела, что ей больно вспоминать, и решила сделать маленький перерыв.

– Александра Семёновна, я Вас приглашаю в кафе. Подкрепимся, а потом продолжим наш интересный разговор, – предложила я. Обрадовалась, когда она охотно согласилась.

Пообедав, мы вернулись в парк. У меня было время на общение с ней, и Александра Семёновна продолжила своё повествование.

– Училась я в школе-интернате, после окончания поступила в художественное училище. Мне нравилась моя будущая профессия, и с удовольствием училась. Я много читала, много рисовала. Помню, девочки наряжаются, накрасятся и на танцы. А у меня не было приличных туфель, я чувствовала себя Золушкой. Ждала своего принца. Так и не дождалась.

– Неужели Вы не влюблялись? – проявила я женское любопытство.

– Влюблялась, конечно, но всё заканчивалось, не начиналось. Помнится, в институте в оркестре играл гитарист Борис. Я теряла дар речи при встрече с ним. Так велико было моё волнение, что я убежала от него. А он ничего не понимал. Я была очень стеснительной, с комплексами. После окончания училища была направлена в Новосибирск. Волею судьбы мне встретилась женщина, воспитанница детского дома. Её звали Ирина Ивановна. Она взяла меня к себе, была мне как мама. Мы хорошо понимали и любили друг друга. Я стала работать художником-оформителем. Первую шоколадку в своей жизни купила с первой зарплаты. С первой же зарплаты я купила Ирине Ивановне красивый платок, и она, получив его, рас-

плакалась. Вечером мы с ней сходили в кино, а потом пили чай. Мы были счастливы! Пришло время, мне дали комнату, а потом однокомнатную квартиру. Как мы радовались!

Не стало моей Ирины Ивановны, и я осталась одна. Так и живу. У меня три кошки, я их люблю. Все эти кошечки были брошены. Я же не могла пройти мимо их горя, лечила и оставляла у себя. Теперь на пенсии, но даю уроки живописи в детской художественной школе.

На лице Александры Семёновны заиграла добрая улыбка.

– А родных Вы нашли? – спросила я.

– Да, нашла, сестра вышла замуж, брат женился. Каждый живёт своей жизнью, всем нелегко... Встречаемся очень редко, к сожалению. Я очень люблю детей. Хотела взять на воспитание девочку из детского дома, но одиноким такое счастье не дозволяется. Я люблю всех детей. У меня нет разделения на «свои» и «чужие». Чужих детей не бывает! Думаю, они меня тоже любят. Война украла у меня счастье.

Мы обменялись телефонами. Весь вечер я была под впечатлением этой встречи. Назавтра мне захотелось её увидеть, и пошла в художественную школу. Портрет Александры Семёновны на Доске почёта встретил меня улыбкой, а ещё приятней было видеть её в кругу своих воспитанников.

